

- Пыцкий А.В., Таробатов В.А. Кремированные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. Керчь, 1996.
- Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. №2.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Савинин А.В. Хронология цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Савинин А.В. Культ животных в религиях. М., 1972.
- Сорокин Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
- Туманов И.А., Христовский В.А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. Материалы науч. конф. СПб., 1994.
- Федосеев Н.Ф., Ермошин А.Л., Куликов А.В., Пономарев Л.Ю. Жилой комплекс на Кыз-аульском некрополе (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы междунар. конф. Керчь, 2001.
- Флорин В.С. Памятники неолита и средневековья в Приазовье // АО 1970 года. М., 1971а.
- Флорин В.С. Поселение 8-9 вв. у ст. Богоявленская // СА. 1971б. №2.
- Флорин В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского Каганата. Волгоград, 1993.
- Флорин В.С. Общинное хранилище (к проблеме социальных отношений в Хазарском Каганате) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. Тез. докл. Самара, 1995.
- Флорин В.С. Разрушенные скелеты на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Флорин В.С. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Флорин В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. 2001. №2.
- Холодков В.Н. Раннесредневековый некрополь в селе Ново-Николаевка Ленинского района Крымской области // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984.
- Чибаров Л.А. Аграрные истоки культа животных у осетин // СЭ. 1983. №1.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Шутин Ю.П. К вопросу о криминальном сожжении трупов // Судебная медицина и реаниматология. Казань, 1969.

PONOMAREOV L. YU.

SALTOVO-MAYAK FUNERAL MONUMENTS OF THE KERCH PENINSULA

Summary

Saltovo-Mayak (Turk-Bulgarian) funeral monuments dating back to the second half of the 8th - 9th centuries, found during several decades on the territory of the Kerch peninsula are considered in this article.

The majority of them were presented by small country cemeteries, burials there were accomplished in plate graves according to Christian rite. Introduction of this group of monuments into scientific sphere testifies to the belief of numerous researchers that Christian ideology started to penetrate the wide layers of the Turk-Bulgarian population of the Eastern Crimea.

At the same time, some other burial monuments give evidence that during the whole epoch under consideration the Turk - Bulgarians continued to observe their traditional beliefs and rituals. Among such monuments, bi-ritual cemetery Eltigen-I is of particular interest. During the excavation works among plate Christian burials there were graves with the traces of neutralizing the deceased.

ПУБЛИКАЦИИ

А. В. ГАВРИЛОВ

УКРЕПЛЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ В БЛИЖНИХ ОКРЕСТНОСТЯХ ФЕОДОСИИ

Возникнув во второй половине VI в. до н.э., Феодосия более ста лет развивалась как независимый полис. В течение V в. до н.э. увеличилось население города, были установлены торговые связи с Афинами и другими полисами античного мира, освоена сельская округа [Гаврилов 1999]. К концу V в. до н.э. экономический потенциал полиса возрос настолько, что городская община Феодосии была в состоянии строить крепостные стены и монументальные здания, чеканила собственную монету [Зеест 1951, с. 185-190; Зеест 1953, с. 143-148; Петерс 1976, с. 377; Петерс 1977, с. 353; Петерс и др. 1978, с. 373; Петерс 1979, с. 326; Петерс 1984, с. 63; Петерс, Голеницов 1981, с. 68; Мельников 2000, с. 208; Петрова 2000]. В начале IV в. до н.э. полис смог противостоять Боспору, оказав ему упорное и длительное сопротивление.

На начальном этапе своего существования Феодосия имела городскую хору («политике»), которая, очевидно, была небольшой, на расстоянии нескольких километров от города [Кругликова 1984, с. 160]. Учитывая особенное месторасположение полиса, где подходившие к нему с юга и юго-запада отроги хребта Тете не давали возможности развивать пашенное земледелие, можно предположить, что под этот вид деятельности в первую очередь использовались ближайшие земли, расположенные к северо-западу — северо-востоку от современной Карантинной горки, на которой располагалась античная Феодосия. Эта территория характеризуется более спокойным рельефом и в настоящее время занята городскими постройками, поэтому найти здесь ранние загородные усадьбы и наделы эллинов чрезвычайно трудно. Возможно, их остатки будут когда-нибудь выявлены при строительных работах, что позволит более детально изучить и воссоздать этот период истории Феодосии. Однако, нельзя исключать, что таких усадеб не существовало, так как незначительная удаленность наделов от города позволяла владельцам обрабатывать их в течение светового дня, а на ночь возвращаться под защиту крепостных стен. Например, такая ситуация прослеживается на ближней хоре Тиры и Никония [Охотников 1990, с. 67], Керкинитиды [Ланцов 1991, с. 77; Кутайсов 1992, с. 56, 57] и Калос Лимена [Щеглов 1976, с. 92].

Какова была площадь первоначальной хоры города установить сейчас трудно. Исходя из имеющихся аналогий, можно предположить, что она равнялась

приблизительно 300–400 гектарам [Ср.: Яйленко 1982, с. 128; Зубарь 1993, с. 8; Безрученко 1999, с. 83]. Эта площадь невелика – квадрат со стороной 2x2 км, что более чем укладывается в пределы современного города. Даже, если учесть наличие двуполья, участков для выпаса скота и других нужд – эта территория увеличится в несколько раз, но не будет слишком большой [Ср.: Безрученко 1999, с. 114]. Очевидно, на начальном этапе существования Феодосии все освоенные колонистами земли были общественной собственностью первого гражданского коллектива, который распределял наделы между гражданами.

Освоению сельскохозяйственной округи, возможно, способствовал интенсивный приток беженцев из Милета после разгрома его персами в 494 г. до н. э. [Русяева 1998, с. 200, 216]. В частности, датировка амфорного материала из части сельских поселений равнины показывает, что их основание произошло также в начале V в. до н. э. [Гаврилов 1998, с. 110; Гаврилов 1999, с. 95]. Значительную роль в экономике полиса играло местное тавро-скифское население, составлявшее основной процент жителей сельских поселений [Гаврилов, Крамаровский 2001, с. 37]. Лишь после возникновения сети сельских поселений у гражданской общины Феодосии появились дополнительная продукция, что позволило полису наладить интенсивную торговлю с другими античными центрами. Продажа сельскохозяйственных продуктов обеспечила постоянный приток импортных товаров в город. Этим продуктом в первую очередь была пшеница, выращивание которой носило в IV в. до н. э. целенаправленный товарный характер. В сельской округе Феодосии пик торговли фиксируется именно в IV в. до н. э., когда по сообщению Страбона наблюдается интенсивный экспорт пшеницы через морской порт города [Strab., VII,4,4]. Увеличение объема торговых операций стимулировало возникновение новых поселений в IV в. до н. э. и развитие сельскохозяйственного производства. Причем, местное население уже в IV в. до н. э. наряду с товарообменом участвовало в товаро-денежной торговле с полисом [Гаврилов 2001, с. 188]. Именно в это время в Скифию поступало большое количество изделий из драгоценных металлов. Отчасти это было связано с поступлением скифам дани от земледельцев, о чем свидетельствует Страбон [Strab., VII,4,6]. Отсутствие в регионе укрепленных поселений на протяжении V–IV вв. до н. э. показывает, что в этот период фактор стратегической обороны и связанное с ним укрепление территории хоры и сельской округи полиса не имели определяющего значения. Это объясняется мирным сосуществованием эллинов и скифов, главным образом Боспорского и Скифского царств. Как те, так и другие были заинтересованы в эксплуатации сельского населения округи, что давало им большие прибыли.

Прекращение жизни на неукрепленных поселениях степной зоны региона произошло в конце первой трети III в. до н. э. На эту дату указывают найденные на них фрагменты амфор, херсонесские и синопские клейма, в частности, керамический материал из раскопок поселения Новопокровка 1, Ореховка 1, Узун Сырт (подножье) [Гаврилов 1991, с. 6; Гаврилов 1998, с. 18; Гаврилов 1999, с. 83]. Гибель поселений, по-видимому, была связана с давлением сарматов, изменившим демографическое, военно-политическое и экономическое положение в Северном Причерноморье

[Виноградов 1987, с. 68, 69; Пуздровский 1994, с. 397; Пуздровский 1995, с. 143], а в связи с этим вынужденным перемещением на полуостров скифского населения из Днепро-Донского междуречья [Масленников 1993, с. 37; Масленников 1995, с. 67]. Заброшенности поселений в определенной мере также способствовал военно-политический конфликт между скифами и греческими государствами на территории Крыма [Ланцов 1991, с. 140]; хозяйственный и экологический кризис, вызванный превращением пастбищной дигрессии в зональное явление [Виноградов, Доманский, Марченко 1988, с. 33; Гаврилок 1989, с. 24; Гаврилок 1993, с. 64; Крижицкий 1995, с. 20; Кутайсов 1997, с. 76]; истощение почв вокруг сельских поселений [Масленников 1989, с. 43; Крижицкий 1995, с. 21], а также изменение климата [Полин 1992, с. 104, 106]. Последние исследования поселений Европейского Боспора свидетельствуют о каких-то военных действиях, происходивших на его хоре около 270–265 гг. до н. э., которые тоже привели ее к обезлюдению [Масленников 1998, с. 88]. Подтверждают это и результаты раскопок курганных и грунтовых могильников степной части Керченского полуострова. Погребения скифского типа в них после середины III в. до н. э. не известны [Масленников 1993а, с. 61, 62].

Результаты археологических исследований показывают, что некоторые поселения, расположенные в равнинной части сельской округи Феодосии, были оставлены населением без следов насилия: разрушений, пожаров. Это видно на примере поселения Новопокровка 1, где при исследовании хозяйственно-жилого комплекса не зафиксировано следов пожара и поспешного бегства жителей [Гаврилов 1999, с. 79], как это отмечено на ряде поселений херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму [Щеглов 1978, с. 128]. Такое состояние памятника создает впечатление медленного ухода, сворачивания хозяйственной деятельности. Мирный уход населения с сельских поселений округи Феодосии можно объяснить сарматскими грабительскими набегами вглубь Крымского полуострова и установлением их политического господства без занятия территории [Максименко 1997, с. 47; Полин 1992, с. 111; Пуздровский 1994, с. 397; Мошкова 1997, с. 75, 76; Виноградов, Марченко, Рогов 1997, с. 101]. Незащищенность западных границ Боспора со стороны крымской степи от сарматских набегов создавала постоянную угрозу неукрепленным поселениям равнины, что заставило (увели или согнало?) население сельской округи Феодосии покинуть обжитые места и явилось одной из причин их заброшенности. Очевидно, в результате этих причин часть жителей равнины переместилась в Феодосию и другие города Боспора, а какое-то количество ушло в предгорный и горный Крым. При этом сельскохозяйственная, пригодная для земледелия территория существенно сократилась и занимала небольшую площадь, ограниченную радиусом в пределах 10–17 км от города. Обрабатывались лишь близлежащие к полису и укреплениям земли, объем производимого зерна и другой сельхозпродукции снизился, что отрицательно повлияло на экономическое состояние Феодосии и привело ее к упадку, а затем и полному исчезновению, как полиса [Ср.: Зубар 1998, с. 295].

В начале III в. до н. э. в 16 км к западу от Феодосии основывается городище на горе Сары Кая, его приблизительная площадь 4–6 га. В IV в. до н. э. к северо-востоку

2) от города на берегу Феодосийского залива появилось поселение Береговое I, которое позже, очевидно, в III в. до н.э. было укреплено. В середине III в. до н.э. в 10 и 7,5 км к западу от Феодосии возводятся два небольших укрепления-форты: на северо-западной оконечности хребта Биюк Янышар близ села Южное и на отроге северного склона хребта Тете Оба близ села Виноградное (далее это укрепление будет условно называться Куру Баш согласно старому названию села) (рис. 1). Их площадь невелика: около 0,8 га на хребте Биюк Янышар и чуть более 1 га на горе Куру Баш. Они располагаются на высоких, удобных для обороны возвышенностях, которые почти со всех сторон имеют естественные труднопреодолимые преграды в виде крутых склонов и глубоких балок. Между укрепленными пунктами существует зрительная связь. Особенно хорошо просматривается весь регион и другие укрепления с городища Сары Кая. В оборонительной системе этого городища на горе Сары Кая прослеживаются определенные аналогии с укреплениями позднескифского царства [Колтухов 1991, с. 88], а укрепления: Биюк Янышар, Куру Баш и Береговое I, судя по их площади и топографии, похожи на боспорские сторожевые крепости [Ср.: Масленников 1998, с. 126, 180]. Возможно, под защиту этих укрепленных пунктов переместилась какая-то часть прежнего населения равнины, в частности, в городище на горе Сары Кая [Петрова 1996, с. 152]. По крайней мере, преемственность прежних тавро-скифских традиций в лепной керамике и погребальном обряде населения этого памятника, прослеживается достаточно долго – до начала II в. н.э. [Катюшин 1996, с. 28].

Основание укрепленных пунктов вдоль хребтов Тете Оба и Узун Сырт свидетельствует о наличии здесь древней дороги, связывающей их между собой, а также Феодосию с внутренними предгорными районами полуострова. Грунтовая дорога из Феодосии на Старый Крым существовала в этих местах еще в первой половине XIX века. Археологические разведки 1997 и шурфовки 1998 гг. показали, что в седловине между хребтами Узун Сырт и Биюк Янышар находилось неукрепленное селище – т.н. Узун Сырт (подножье), которое существует с начала V по конец первой трети III вв. до н.э. [Гаврилов 1997а, с. 100; Гаврилов 1998а, с. 118]. Находящееся рядом укрепление на вершине хребта Биюк Янышар, возникло во второй половине III вв. до н.э. [Катюшин 1979, с. 335; Катюшин 1998, с. 40]. Находки монет феодосийской и пантикапейской чеканки на прилегающем к укреплению селище Узун Сырт (подножье) подтверждают и детализируют хронологические рамки существования этих памятников (см. каталог). Месторасположение этих памятников в седловине между двумя хребтами было очень выгодно, поскольку позволяло контролировать наиболее удобную дорогу, связывающую Южный берег Крыма с Феодосией, и осуществлять надзор за горной и степной частями западного пограничья владений города и Боспора. Ответвления этой же древней дороги вели к горному массиву Кара Даг (у поселка Коктебель) и большому соленому озеру Бараколь (у села Наниково), где, соответственно, находились античные каменоломни по добыче трасса [Петрунь 1965, с. 128; Супрычев 1968, с. 4] и соляные промыслы [Петрова 2000, с. 40]. Бараколь – единственное соленое озеро между Судаком и Феодосией, да и на всем побережье до Севастополя. Очевидно, его имеет ввиду Плиний, описывая

крымское побережье в «Естественной истории» [Plin., IV,86]. По крайней мере, добыча соли велась здесь еще в XVIII веке [Ромм 1941, с. 55]. Находки зернотерок из зеленоватого карадагского трасса известны практически на всех поселениях сельской округи Феодосии, европейского Боспора и других античных центров на территории Крыма и подтверждают наличие таких каменоломен [Гаврилов, Макаров 2001].

В античное время существовала дорога из Феодосии в Пантикапей вдоль берега Феодосийского залива, которая в районе нынешнего села Береговое или пгт Приморский отклонялась от побережья и продолжалась в сторону села Фронтное I. Далее она шла к бывшему селу Хырсыз Шибан (Холмогорки) вдоль Парпачского хребта. В местах, где она пересекала устья речки Байбути и Аджигольской балки, могли быть построены мосты. Пригодны для проезда были и песчаные пересыпи, отделявшие от моря соленые озера Кучук и Биюк Ачиголь. К тому же на них в античную эпоху, несомненно, добывали самосадочную соль, что тем более предполагает существование такой дороги. По крайней мере, в конце XVIII века грунтовая дорога из Кафы в Керчь пролегла именно по берегу Феодосийского залива [Паллас 1999, с. 118].

Очевидно, какое-то укрепление существовало и в центре Акмонайского перешейка у села Фронтное I [Веселов, дневник разведок, с. 15, запись от 25/VI-60г., пункты VIII, IX; Кругликова 1975, с. 275, пункт 247]. Оно располагалось в 0,6 км к югу от села на правой стороне Койасанской балки ближе к вершине Парпачского хребта. На вершине Парпачского хребта находится вал, тянувшийся в широтном направлении. Следы его прослежены местами на отрезке от села Ячменное до села Владиславовки [Гаврилов 1997, с. 76].

Ширина перешейка здесь составляет 17 км. Парпачский хребет делит его на две почти равные части. Середина перешейка как нельзя лучше подходила для организации здесь наблюдательного пункта и оборонительного сооружения. Отсюда хорошо обозреваются окрестности: от Феодосийского залива до Азовского моря. Вдоль хребта проходила одна из дорог, связывающих Боспор с Феодосией и внутренними районами Крымской Скифии. С северной стороны хребта к нему примыкали массивы плодородных земель, пригодных для земледелия. К тому же, в северной части Акмонайского перешейка, – от Парпачского хребта до Сиваша и Азовского моря – находится относительно пологая слабопересеченная равнина. В этой стороне перешейка находится больше крупных курганов, которые, как известно, зачастую сооружались рядом с дорогами. Возможно, здесь находились основные древние дороги и скотопрогонные пути, ведущие со стороны Киммерийских переправ к Перекопу. Преимущественно по этой стороне перешейка происходило передвижение кочевых народов в разные периоды истории [Ср.: Кислый 2000, с. 213]. Похоже, что именно с этой стороны ожидали нападения предполагаемого противника строители укрепления и вала на Парпачском хребте [Гаврилов 2001, с. 13].

К югу от Парпачского хребта вплоть до Феодосийского залива местность сильно пересечена как балками, так и топкими низинами, переходящими в озера-коли. Поэтому, с этой стороны нападение больших масс противника было маловероятно. Однако, в южной части перешейка в античную эпоху могла проходить одна из

сухопутных дорог и морская коммуникация, связывающая Феодосию и Пантикапей. Возможно, они нуждались в контроле и защите. Эти факторы повлияли на создание здесь оборонительного района Боспора и его составляющих: укрепления, вала, рва.

В пользу такого предположения свидетельствуют материалы раскопанного в начале 60-х гг. XX века могильника Фронтное II [Корпусова 1967, с. 4; Цвек 1968, с. 199; Корпусова 1972, с. 46]. Он находился у северного подножья Парпачского хребта чуть ниже современного действующего кладбища села Фронтное I, на месте где сейчас построена насосная станция. Как показывают находки в погребениях этого могильника денария Фаустины Августы Младшей (161-180 гг. н.э.) и статеров Рескупорида IV (242/3 – 276/7 гг. н.э.), он функционировал во II–III вв. н.э. и, возможно, относился к населению, выполнявшему пограничную службу в этом стратегически важном пункте на западных границах Боспора.

Известно, что в конце II в. н.э. боспорский царь Савромат II совместно с римскими войсками проводил военные операции против тавро-скифов в Восточном Крыму [КБН, № 1237], где расположил свои гарнизоны и военные поселения [Зубарь 1998, с. 113, 114; Анохин 1999, с. 154]. Немалая роль в этом отводилась Феодосии, как форпосту царства на его западных границах. О том, что этот пункт еще существовал в III в. н.э., играл определенную роль в морских коммуникациях (здесь могла находиться опорная база римлян и боспорцев), свидетельствует надпись Аврелия Валерия Сога – военачальника (области? – А.Г.) Феодосии [КБН, № 64; Сидоренко 2001, с. 143]. Поэтому, можно предположить, что укрепление и вал на Парпачском гребне были сооружены во II–III вв. н.э. Вал служил как пограничьем, отделяющим владения Боспора и округа Феодосии от варварской территории, так и препятствовал попыткам варваров прервать сухопутные и морские коммуникации между Пантикапеем и Феодосией. Этими варварами могли быть как тавро-скифы, так и аланы, а позже – готы [Зубарь 1998, с. 111, 112, 139]. Однако, точное время сооружения и функционирования этого вала пока неизвестно. Необходимы археологические исследования, которые позволят выяснить его хронологию и связать его появление с конкретными историческими событиями.

Таким образом, в сложившейся ситуации с конца первой трети III в. до н.э., Феодосия стала центром укрепленного района на западной границе Боспора, а небольшие крепости являлись его звеньями и выполняли защитные функции своеобразных «узлов сопротивления». В целом же, организация обороны боспорских границ в то время носила ограниченный, локальный характер. [Масленников 1993, с. 21, 36; Масленников 1998, с. 229].

Те же причины повлияли на появление подобных укрепленных поселений и на бере Боспора [Кругликова 1975, с. 96; Масленников 1993, с. 21], Херсонеса [Щеглов 1978, с. 166, 167] и Ольвии [Крыжицкий и др. 1989, с. 120-124]. Их население также несло охрану хоры, занималось земледелием, скотоводством и находилось в полном подчинении полисов. Создание катойкий, фрурий, периполий в эллинистическое время всегда подразумевало управление страной из единого центра с целью контроля над подвластной территорией, эксплуатации местного населения, облегчения и

регулярности взыскания с него фороса [Шофман 1984, с. 194]. По-видимому, часть таких целей преследовала организация укрепленных пунктов на западных границах Боспора [Колобова 1953, с. 58, 59]. Принятие этих мер позволило боспорским царям установить контроль над западными территориями государства, однако, на непродолжительное время.

Натиску сарматов Боспор противопоставил нормализацию отношений со скифами. Скифо-боспорский союз скреплялся традиционными браками между представителями боспорского и скифского царских дворов [Виноградов 1987, с. 86; Пуздровский 2001, с. 94]. В целом, преодоление экономического и политического кризиса привело к созданию в Крыму двух противостоящих друг другу союзов – боспорцев и скифов, херсонеситов и сарматов. Их образование обусловило временную стабилизацию жизни на Крымском полуострове [Золотарев 1989, с. 55]. В условиях политического равновесия сил во второй половине III в. до н.э. на некоторое время возрождается хора и экономика Феодосии. Возможно, об этом свидетельствуют редкие находки синопских амфорных клейм второй половины III в. до н.э. и феодосийских монет последней четверти III в. до н.э. [тип: Анохин 1999, с. 87, рис. 20,5; Мельников 2000, с. 217, № 16] на неукрепленных поселениях равнины: Новопокровка I; Кринички I; Ближнее 1,3; Лесопитомник; Насыпное; Узун Сырт (подножье).

На протяжении II в. до н.э. Боспор с трудом выдерживает усиливающийся натиск сарматских племен [Зубарь 1998, с. 279]. Среди них особенно выделяются сатархи, которые кочевали в присивашских степях и совершали грабительские набеги на Боспор [Масленников 1981, с. 72]. Возможно, в один из таких набегов около 180 г. до н.э. было сожжено и разрушено укрепление на хребте Бинок Янышар, причем чуть раньше, чем такие же памятники на территории Керченского полуострова [Катюшин 1998, с. 40; Масленников 1993, с. 15]. Вторично это укрепление было разрушено в конце II в. до н.э., что могло быть связано с походом Диофанта против Савмака весной 107 г. до н.э. [IRE, 1, № 352; Петрова 1991, с. 101; Катюшин 1998, с. 44]. Боевые действия того времени коснулись и городища на горе Сары Кая, где после его захвата Диофантом, возможно, был оставлен боспорский гарнизон [Колтухов 1999, с. 23]. Находки монет Диоскуриады, Амиса, Вифинии на укреплении Куру Баш (см. каталог) конца II – начала I вв. до н.э. также указывают на события этого периода и, возможно, свидетельствуют о временном присутствии здесь понтийского гарнизона. К этому же времени относятся и разрушение жилых кварталов в Феодосии [Зеест 1953, с. 147]. Таким образом, археологические данные свидетельствуют об упорном противостоянии экспедиционных войск Диофанта и жителей Феодосии и округа. Очевидно, это было следствием того, что город поддержал Савмака и наряду с Пантикапеем являлся опорной базой восставших [Катюшин 1998, с. 44; Петрова 1991, с. 101].

Как показывают материалы раскопок укрепления Бинок Янышар и Береговое I, среди жителей этих укреплений в III–II вв. до н.э., возможно, были фракцийцы-ишмивики [Катюшин 1998, с. 41; Гаврилов 1999а, с. 155]. Этническая принадлежность населения западных боспорских укреплений в I в. до н.э. – I в. н.э. еще недостаточно изучена. Однако, новые материалы показывают, что в основной своей массе оно было местным

и относилось к тавро-скифам Юго-Восточного Крыма [Ланцов 1999, с. 132; Ланцов, Юрочкин 2001, с. 265]. Во II–III вв. н.э. на укреплениях Куру Баш и близ села Фронтовое I, очевидно, присутствуют выходцы из сарматских племен [Кругликова 1966, с. 105].

Таким образом, со второй половины III в. до н.э. Феодосия становится центром укрепленного района, на который возлагается оборона западных рубежей Боспора. Главную роль в этом играли укрепления типа небольших крепостей (фрурий), находящиеся на западных и восточных подступах к городу. Их жители несли охрану хоры и западных границ государства, а также занимались земледелием и скотоводством. Если жители городища Сары Кая, укрепления Бюок Яньшар и Куру Баш несли охрану западных сухопутных границ Боспора, то обитатели укрепленных поселений Береговое I и у села Фронтовое I контролировали восточные подступы к Феодосии и сухопутные дороги на Боспор, а также следили за безопасностью каботажного плавания вдоль морского побережья, пресекая попытки морского пиратства варваров. В дальнейшем, на протяжении II в. до н.э. – I в. н.э. только эти укрепленные памятники определяют лицо ближней округи Феодосии. Судя по письменным источникам, Феодосия в I в. до н.э. еще имела некоторый экономический потенциал и даже могла оказать помощь Гераклею, осажденной римскими войсками [Метл., 49,4]. Во II – первой половине III вв. н.э. в ближних окрестностях города продолжают существовать только Куру Баш и укрепление на Акмонайском перешейке, что связано с изменением военно-политической обстановки и владений Боспора в Таврике. В целом, в III в. до н.э. – III в. н.э. ближняя округа Феодосии была небольшой, а город в это время более известен, как важный стратегический пункт, чем хлебный экспортер.

Описание укрепленных памятников

Сары Кая. Городище открыто Е.А. Катюшиным в 1976 г., находится в 2 км к юго-западу от села Отважное Кировского района [Катюшин, Айбабина 1978, с. 328]. Располагается на вершине и северном пологом склоне одноименной горы. С юга и юго-запада она имеет очень крутые склоны, обрывающиеся в балку Янтык. На северных и северо-восточных относительно пологих склонах прослеживаются следы террас. Поверхность задернована, частично поросла лесом, во многих местах имеются заброшенные доты, капониры, блиндажи, подземные сооружения военного назначения. Они в значительной степени уничтожили культурный слой и первоначальный микрорельеф памятника. Приблизительная площадь городища составляет около 4–6 га, хотя подъемный материал распространен на гораздо большей площади [Колтухов 1991, с. 87; Колтухов 1999, с. 113]. На верхней террасе находилась стена шириной 3,2 м, полукругом отражавшая вершину горы, где находился акрополь, приблизительная площадь которого составляет 2 га. Возможно, городище имело и внешнюю линию обороны. В 1989, 1990 гг. на памятнике проведены шурфовки, которые показали, что укрепление возникло во второй половине III в. до н.э. [Андрух, Тоцев 1989, с. 645; Маленко 1990, с. 145; Колтухов 1991, с. 87; Колтухов 1999, с. 23, 114]. Однако, на памятнике сделаны находки боспорских монет первой – второй трети III в. до н.э., что, возможно, связано с более ранним освоением данного пункта [Гаврилов 2000, с. 27; Гаврилов 2001, с. 192]. Материал III в. до н.э. – I в. н.э. представлен фрагментами

амфор: родосских, синопских, косских, киндских, светлоглиняных широкогорлых с профилированными ручками типа С1 и С1б, С11, С111; с воронковидным горлом. А также фрагментами лепной керамики т.н. гето-фракийского типа; краснолаковой; т.н. мегарской со штампованным орнаментом; бусами. В керамическом кухонном комплексе второй половины III – конца II вв. до н.э. отмечено преобладание лепной посуды, а I в. до н.э. – I в. н.э. – гончарной. В 1980 г. совместная экспедиция Феодосийского краеведческого музея и Отдела археологии Крыма ИА АН УССР исследовала курганный могильник, расположенный у северного подножья горы Сары Кая. Исследования погребения датируются I в. до н.э. – началом II в. н.э. [Катюшин 1996, с. 21].

Куру Баш (Виноградное). Памятник открыт О.Н. Бадером в середине 30-х гг. XX века, который определил его как небольшое укрепление [Бадер 1940, с. 154; Барсамов 1957, с. 13]. Находится в 0,6 км к северо-западу от северо-западной окраины села Виноградное Феодосийской административной зоны. Располагается на вершине и частично на северном относительно пологом склоне высокого холма, являющегося отрогом-останцем хребта Тете Оба. Поверхность памятника задернована, поросла редким кустарником. На северных склонах хорошо видны террасы. В юго-восточном – северо-западном секторе холм имеет очень крутые склоны. У их подножья холм огибают глубокая обводненная балка, в которой есть источник с питьевой водой. Центральную часть северных склонов занимает относительно глубокое понижение. С северной стороны у самого подножья пологих склонов холм также отделен от остальной территории балкой, впадающей в обводненную балку. С восточной стороны холм соединен с остальным массивом отрога узким перешейком, уровень которого ниже вершины холма. По этому перешейку проходит единственная тропа (вход и выход) на территорию холма. Что бы попасть в крепость, нужно было пройти по перешейку и обогнуть подножье юго-восточного склона и выйти к подножью северных склонов холма. Здесь вход на территорию укрепления, очевидно, перегораживал вал с частоколом, следы которого видны у подножья в месте перехода юго-восточных склонов в северные. Приблизительная площадь памятника составляет чуть более 1 га. В 2001 г. автор провел на памятнике шурфовки с целью выяснения его хронологии и стратиграфии. Они показали, что памятник многослойный и с перерывами неоднократно обживался населением: с эпохи поздней бронзы по середину III в. н.э. Мощность культурных наслоений на вершине холма составляет 0,4–1,1 м, а на отдельных участках северных террасированных склонов – более 4 м.

Полученные материалы относятся к середине III в. до н.э. – середине III в. н.э. и соответственно отражают разные периоды жизни памятника (рис. 2–9). Находки из верхнего слоя представлены фрагментами амфор второй половины II – первой половины III вв. н.э.: розовоглиняных; красноглиняных с желобчатым венцом; мирмекийского и фанагорийского типа; с воронковидным горлом; с высокоподнятыми ручками; светлоглиняных узкогорлых (тип Д по Д.Б. Шелову); редкими фрагментами ручками; светлоглиняных узкогорлых (тип Д по Д.Б. Шелову); редкими фрагментами стеклянных кубков и лепных курильниц, керамид и грузил для ткацкого станка; фрагментами гончарных кувшинов, мисок и лепных кухонных горшков, кружек, мисок (причем гончарная посуда преобладает над лепной); бронзовыми фибулами, кольцами,

господств. Краснолаковая керамика представлена мисками: с полусферическим туловом; с вертикальным бортиком, кувшинами, кружками; блюдами с горизонтально отогнутым венчиком и штампованным орнаментом на дне. Во II – III вв. н.э. на укреплении велось интенсивное домостроительство из бутового камня, о чем свидетельствуют большие завалы и сохранившиеся кладки под дерновым слоем. Это были невысокие бесфундаментные стены шириной 0,7–0,8 м, сложенные в иррегулярной технике на слабом известковом растворе. Находки фрагментов черепиц, калиттеров и окрашенной известковой штукатурки показывают, что в крепости были общественные здания. Жилые здания, очевидно, имели глинобитные или камышовые кровли.

В более нижних слоях хорошо выделяется материал I в. до н.э. – I в. н.э. Он представлен фрагментами амфор: светлоглиняных широкогорлых с двустольными ручками (тип СI по С.Ю. Вигукову); светлоглиняных широкогорлых с профилированными ручками (тип СIII по С.Ю. Вигукову); красноглиняных с двустольными ручками; красноглиняных с ложнодвустольными ручками. В нижних слоях чаще попадаются фрагменты синопских, родосских амфор III–II вв. до н.э., т.н. мегарской штампованной керамики, изредка фрагменты чернолаковых киликов. На территории укрепления феодосийским коллекционером найдены монеты: Феодосии последней четверти III в. до н.э. [тип: Анохин 1999, с. 87, рис 20,5; Мельников 2000, с. 217, № 16]; Боспора – III в. до н.э., II–III в. н.э. [Анохин 1986, с. 141, тип 133; с. 165, тип 618]; Диоскуриады [Голенко 1974, с. 68, № 408] и Амиса конца II – начала I вв. до н.э.; Вифинии (см. каталог). Анализ нумизматических находок, фрагментов синопской амфорной тары и клейм позволяют отнести время возникновения данного памятника к второй четверти – середине III в. до н.э., а прекращение жизни на нем – к середине – третьей четверти III в. н.э. Гибель этого укрепления можно предварительно связать с походами готов и боранов в 251–256 гг. или герулов в 267/268 гг. н.э. [Айбабин 1996, с. 297].

Биюк Янышар. Укрепление открыто Е.А. Катюшиным в 1977 г. [Катюшин, Айбабина 1978, с. 328]. Находится в 1 км к югу от южной околицы села Южное Феодосийской административной зоны. Располагается на вершине северо-западной оконечности хребта Биюк Янышар, имеющего со всех сторон за исключением юго-восточной довольно крутые склоны. С юго-восточной стороны укрепление отделяется от остального массива хребта неглубокой ложбиной. Очевидно, здесь находился ров. Приблизительная площадь памятника составляет около 0,5–0,8 га. В 1977–78, 1981 гг. экспедиция Феодосийского краеведческого музея проводила раскопки центральной части укрепления на площади около 500 м² [Катюшин, Айбабина 1978, с. 328; Катюшин 1979, с. 335]. Был исследован участок оборонительной стены, сложенной из крупных бутовых камней, возведенной не позднее середины III в. до н.э. Жилые и хозяйственные изолированные постройки примыкали к оборонительной стене, имели общую глиняно-камышовую крышу, фасадом выходили во внутренний общий дворик. Стены жилых построек были построены из сырцового кирпича на каменном цоколе. Зафиксировано два строительных периода, связанных с разными этапами жизни городища. Материал из раскопок представлен фрагментами синопских и родосских амфор, гончарной и лепной керамикой, ткацкими грузилами, монетами пантикапейской чеканки.

Фрагменты кухонной гончарной посуды единичны, преобладает лепная керамика. Среди лепной посуды много фрагментов с налпами т.н. гето-фракийского типа в виде галочек и шишечек. Горла лепных горшков украшены трехгранными в сечении валиками, часть кувшинов имела ручки, изготовленные из трех перевитых глиняных жгутов [Катюшин 1998, с. 41]. На основании амфорной тары (синопской, киридской, косской, родосской, боспорской, колхидской, светлоглиняных широкогорлых амфор с двустольными ручками типа СI и СII) и т.н. мегарских чаш, время существования данного памятника определяется в хронологических рамках середины III – II вв. до н.э. Находящееся у северо-западного подножья хребта Биюк Янышар большое селище, условно названное Узун Сырт (подножье), существовало с конца VI – начала V вв. до н.э. по конец первой трети III в. до н.э. [Гаврилов 1998, с. 17]. В последней четверти III в. до н.э. жизнь на короткий период здесь возрождается, на что указывают находки монет Феодосии [Мельников 2000, с. 217, № 16]. В целом монетные находки на селище Узун Сырт (подножье) хорошо согласуются с датой возникновения укрепления на хребте Биюк Янышар, они указывают на его нижнюю дату. Встречающиеся на укреплении фрагменты амфор и краснолаковой керамики I–III вв. н.э., показывают, что жизнь здесь возобновлялась [Катюшин 1979, с. 335]. Площадь памятника задернована.

Береговое I. В полевом дневнике В.В. Веселова числится под № 26 [1960, с. 89]. Находится в почти в центре села Береговое Феодосийской административной зоны (рис. 10). В настоящее время площадь памятника занята старым сельским кладбищем, а также частными приусадебными участками по переулку Морскому №№ 2, 3, 4, 6, 8, 10, 12, 14. Поселение располагается на приморской террасе в 150 м от современного уреза воды. В рельефе местности памятник ничем не выделяется. Однако, в момент выявления В.В. Веселов зафиксировал на месте современного частного домовладения № 2 по переулку Морскому бугор высотой 5–6 м, состоящий из песка с большим содержанием ракушки. На этом бугре местное население выбирало для своих нужд камень-ракушник. Некоторые камни, виденные В.В. Веселовым, имели обработанный вид и были похожи на квадраты разной величины. В борту одной из ям на данном бугре он видел слой сыпью прокаленного грунта и собрал фрагменты античных амфор, чернолаковой посуды и керамику. На территории кладбища он нашел нижнюю плитку зернотерки, а также отметил наличие в верхнем слое поселения средневековой поливной керамики.

Обследование и шурфовки 1997 года показали, что территория памятника имела приблизительную площадь размером 120x120 м [Гаврилов 1998а, с. 74]. Основная часть поселения находилась на месте старого сельского кладбища, где при копке могил находили фрагменты амфор, краснолаковой керамики, кости животных. В микрорельефе местности кладбище является самой высокой точкой и похоже на уплощенный холм, имевший относительно крутые склоны. Их остатки сохранились с северо-западной стороны кладбища на приусадебном участке М.А. Овчаровой по переулку Морскому №3, а также с северо-восточной и восточной сторон кладбища. Здесь склоны возвышенности наиболее крутые, а

ее основании прослеживаются остатки канавы, которую местные жители засыпали бытовым мусором в 60-70 гг. XX века. Возможно, это были остатки рва, окружавшего укрепление. К тому же, в данном месте найдено шесть известняковых прямоугольных квадров размером 95x50x28 см, которые, может быть, происходят из оборонительных стен или построек укрепления. По рассказам местных жителей, такие же квадры были использованы для сооружения ограды кладбища в XIX веке. С северо-восточной стороны поселения находится естественное понижение микрорельефа. Похоже, что в древности здесь проходила неглубокая балочка, которую использовали в качестве естественной преграды, выполнявшей функцию рва. К юго-западу от основной территории поселения на приусадебных участках жителей села часто встречаются находки средневековой поливной керамики XV-XVIII вв. Здесь же располагалось довольно большое средневековое селище. На приусадебном участке О.Г.Шавкуновой по переулку Морскому №6 находится выложенный известняковым камнем колодец с хорошей питьевой водой, его нижняя часть пробита в толще ракушечного известняка. Возможно, он был сделан еще во время существования античного поселения. Очевидно, наличие пресной воды и прибрежной дороги повлияло на возникновение здесь и средневекового селища.

В 1997 г. на территории поселения в доступных местах было сделано 4 шурфа, которые показали наличие культурного слоя мощностью до 2,0 м. Материал из шурфов представлен (рис. 11-13) фрагментами: хиосских, гараклейских, синопских, колхидских, боспорских амфор IV – начала III вв. до н.э.; синопских, косских, херсонесских III-II вв. до н.э.; колхидских и синопских II-I вв. до н.э.; родосских второй половины III в. до н.э. – начала I в. н.э.; косских красноглиняных с двустольными ручками и боспорских светлоглиняных узкогорлых амфор I в. до н.э. – I в. н.э.; чаш; тарелок; мисок; киликов покрытых черным и красно-бурым тусклым, непрочным лаком; т.н. мегарских сероглиняных чаш, покрытых черным тусклым, непрочным лаком; краснолаковой посуды (тарелок, кувшинов, гончарных мисок, кувшинов); кастрюль; амфорисков; зернотерок. Лепной керамики мало (горшки, корчаги, жаровни, чаши), среди нее выделяется фрагмент кувшина т.н. гето-фракийского типа, орнаментированный стилизованным изображением человеческих лиц и волютовидными налестками. Интересна также находка лагиноса, костяной ложечки (рис. 2; 3; 4). Лагинос имеет приземистое тулово, узкое высокое горло, ручку в виде перевитой веревки. На тулове нанесены полосы красно-бурой краской или лаком, на плечиках процарапано граффито в виде буквы N. Такие лагиносы привозились из Родоса [Зайцев 1990, с. 90, рис. 4]. Абсолютная аналогия ему происходит из Артюховского кургана, погребальный инвентарь которого датируется в рамках 140-125 гг. до н.э. [Ср.: Максимова 1979, с. 8, 106, рис. 45]. В целом, имеющиеся материалы позволяют датировать памятник IV в. до н.э. – I в. н.э. Его месторасположение было очень удобным, так как отсюда хорошо обозревается морское побережье от мыса Ильи до мыса Чауда. Очевидно,

население данного укрепленного пункта контролировало сухопутную дорогу и восточные подступы к Феодосии, а также следило за безопасностью каботажного плавания вдоль побережья Феодосийского залива.

Фронтное. В 1960 году В.В. Веселов в 0,6 км к югу от южной окраины села Фронтное I (б. Кой Асан русский) Ленинского района (или в 0,3 км к востоку от современной плотины водохранилища) выявил «земляное укрепление», где собрал фрагменты реберчатых амфор, соленов, пифосов и другой керамики. На восточном склоне хребта он также зафиксировал зольники, где им также было найдено много фрагментов амфорной и лепной неорнаментированной керамики, костей животных [Веселов, дневник разведок, с. 15, запись от 25/VI-60 г., пункты VIII, IX; Крутликора 1975, с. 275, пункт 247]. Укрепление располагалось на вершине и северном пологом склоне Парпачского хребта. В данном месте хребет имеет крутые южные – северо-западные склоны, что по-видимому и обусловило строительство здесь укрепления. В 0,1-0,3 км западу от предполагаемого укрепления Парпачский хребет был пересечен так называемым пропилом, т.е. имел разрыв. Здесь начинается т.н. Койасанская балка, которая в этом месте довольно глубока. На восточном высоком берегу данной балки Веселов видел вал и ров, которые начинались близ «земляного укрепления» и продолжались в северном направлении, т.е. в сторону современного села Фронтное I. Таким образом, с юго-западной – северо-западной сторон укрепление имело труднопреодолимые препятствия в виде глубокой балки и крутых склонов, а также ров и вал. В.В. Веселов датировал это укрепление римским временем. Место предполагаемого укрепления и остатки вала и рва были и уничтожены в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века во время строительства Северо-Крымского канала и плотины водохранилища. Здесь же по вершине хребта в направлении с востока на запад (от села Ячменное до села Владиславовки) проходит другой вал, высота которого в некоторых местах в то время составляла 1,5-2 м, ширина по верху 4,5 м, с северной стороны перед валом имелась терраса шириной 1,5-2 м. К настоящему времени на Парпачском хребте сохранились лишь отдельные участки вала [Гаврилов 1997, с. 76; Гаврилов 2001, с. 13]. Очевидно, к данному укреплению относится грунтовый могильник Фронтное II, исследованный в 1964-66 гг. [Корпусова 1972, с. 46]. Он находился на западном склоне Койасанской балки чуть ниже действующего христианского кладбища села Фронтное I в месте, где сейчас построена насосная станция, т.е. почти напротив вышеописанного укрепления. На основании материалов могильника укрепление, вал и ров можно предварительно датировать II-III вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
 Андрух С.И., Тоцев Г.М. Памятник античного часу на горах Сара Кай // IV республиканська наукова конференція з історичного краєзнавства. Тез. докл. наук. конф. Київ, 1989.
 Анохин В.А. Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н.э. Киев, 1986.
 Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
 Бадер О.Н. Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма // Труды

КАТАЛОГ МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ НА УКРЕПЛЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ
В БЛИЖНЕЙ ОКРУЖЕ ФЕОДОСИИ

№ п/п	Название памятника адрес находки	Наименов.	Кол-во	Дата	Описание и анализ
1.	Сары Кая (на вершине, штабель)	Тетрахалк, медь	1	275-265 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево, надчеканка «звезда». О.С. ПАН. Голова льва влево, внизу остр. надчеканка «горит». Сохранность: плохая [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,3]
2.	Сары Кая	Тетрахалк, медь	1	265-245 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ПАН. Лук и стрела. Вес - 5,4 гр. [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,6]
3.	Сары Кая	Дихалк, медь	1	265-245 гг. до н.э.	Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ПАН. Лук и стрела. Вес - 1,75 гр. [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,7]
4.	Сары Кая	Тетрахалк, медь	1	90-83 гг. до н.э.	Л.С. Голова Диониса в венке вправо. О.С. [ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΤΩΝ]. Треножник и тирс, справа монограмма. Сохранность: сильно разрушена коррозией [Анохин 1986, с. 145, тип 202-202б, табл. 7; Анохин 1999, с. 106, рис. 27,13]
5.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	1	293-283 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ПАН. Голова льва влево, внизу остр. [Анохин 1999, с. 76, рис. 17,9]
6.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	17	265-245 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ПАН. Лук и стрела вправо [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,6] Из них 15 – небольшие по размеру и весу.
7.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	1	225-215 гг. до н.э.	Л.С. Голова Афины в шлеме вправо. О.С. ΘΕΥ. Горит и палица. Вес - 5,1 гр. [Анохин 1999, с. 87, рис. 20,5]
8.	Куру Баш (Виноградное)	Дихалк, медь	1	220-210 гг. до н.э.	Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ПАН. Лук и стрела. Вправо [Анохин 1986, с. 142, № 146, табл. 5]
9.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	1	220-210 гг. до н.э.	Л.С. Голова бородатого сатира в венке вправо. О.С. ПАН. Лук и стрела. Вправо. Анохин, 1986, с. 142, № 147, табл. 5.
10.	Куру Баш (Виноградное)	Драхма, серебро	1	109-100 гг. до н.э.	Л.С. Голова Артемиды вправо, слева лук и колчан. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΤΩΝ. Горит, под ним палица и монограмма [Анохин 1986, с. 144, № 189в, табл. 7]
11.	Куру Баш (Виноградное)	Драхма, серебро	1	90-80 гг. до н.э.	Л.С. Голова Аполлона в венке вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΤΩΝ. Пасущаяся лань, слева монограмма [Анохин 1986, с. 145, № 199, табл. 7]

12.	Куру Баш (Виноградное)	Дидрахма, серебро	1	90-80 гг. до н.э.	Л.С. Голова Диониса в венке вправо. О.С. ΦΑΝΑΓΟΡΙΩΝ. Венок, под ним монограмма [Анохин 1986, с. 145, № 205а, табл. 7]
13.	Куру Баш (Виноградное)	Дихалк, медь	1	90-80 гг. до н.э.	Л.С. Треножник. О.С. Звезда, между лучами надпись ΠΑΝΤΙΚΑ [Анохин 1986, с. 145, № 203, табл. 7]
14.	Куру Баш (Виноградное)		4		Л.С. Голова в шлеме вправо. О.С. [Α]ΜΠΕΟΥ. Меч в ножнах острием вниз. Надпись по обем сторонам.
15.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	1	50/49-48/47 гг. до н.э.	Л.С. Голова вправо. О.С. [ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ]. Нос корабля. Сохранность плохая [Анохин 1999, рис. 20,5; Анохин 1986, с. 147, № 225, табл. 9]
16.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	3	50/49-48/47 гг. до н.э.	Л.С. Голова Нике вправо, слева звезда. О.С. ΦΑΝΑΓΟΡΙΩΝ. Ветвь [Анохин 1986, с. 147, № 227, табл. 9]
17.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	2	47-37 гг. до н.э.	Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ΦΑΝΑΓΟΡΙΩΝ. Лук и стрела [Анохин 1986, с. 148, № 249, табл. 10]
18.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	2	47-37 гг. до н.э.	Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΤΩΝ. Нос пасущийся петас влево [Анохин 1986, с. 148, № 250, табл. 10]
19.	Куру Баш (Виноградное)	Тетрахалк, медь	1	27-21 гг. до н.э.	Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ΦΑΝΑΓΟΡΙΩΝ. Нос корабля. Перечеканена из типа: Л.С. Голова Аполлона вправо. О.С. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΤΩΝ. Нос корабля [Тип № 251 перебит в №252 по: Анохин 1986, с. 148, табл. 10]. Штемпели наложены в обратном порядке. Вес - 6,1 гр.
20.	Куру Баш (Виноградное)	Ассарий, медь	1	39/40-41/42 гг. н.э.	Л.С. [ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΠΕΡΑΛΑΤΟΥ. Голова Митридата вправо. О.С. В центре палица и шкура льва, слева лук и колчане, справа трезубец, внизу буквы Β [Анохин 1986, с. 151, тип 330, табл. 12; Анохин 1999, с. 137, рис. 40,2]
21.	Куру Баш (Виноградное)	Сестерций, медь	1	93/4-123/4 гг. н.э.	Л.С. ΠΙΥΛΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст шара вправо. О.С. Венок, в нем ΜΝ [Анохин 1986, с. 155, тип 419, табл. 16]
22.	Куру Баш (Виноградное)	Сестерций, медь	1	93/4-123/4 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΗΣ. Бюст шара вправо. О.С. Круглый шит и копьё, слева голова козы и голубь, справа голова в шлеме и меч, внизу ΜΝ [Анохин 1986, с. 156, тип 446, табл. 18]

23.	Куру Баш (Виноградное)	Сестерций, мель	1	93/4-123/4 гг. н.э.	Л.С. ПΙΒΕΡΙΟΥΣ-ΛΥΛΙΟΥΣ-ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΙΝΙΣ. Царь в кресле вправо, в руках скипетр с бюстом. О.С. ΤΣΙΜΑΓΙ-ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Круглый щит и копьё, слева голова коня и топор, справа шлем и меч, внизу МН [Анохин 1986, с. 156, тип 427, табл. 17]
24.	Куру Баш (Виноградное)	Сестерций, мель	1	93/4-123/4 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΙΝΙΣ. Бюст царя вправо. О.С. Nike влево, по сторонам МН [Анохин 1986, с. 159, тип 444, табл. 18]
25.	Куру Баш (Виноградное)	Сестерций, мель	1	123/4-132/3 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΟΥΥΟΣ. Бюст царя вправо, слева палица, справа трезубец. О.С. Венок, в нем МН [Анохин 1986, с. 155, тип 500, табл. 20]
26.	Куру Баш (Виноградное)	Двойной денарий, мель	1	180-192 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст царя вправо, справа от него звезда из точек. О.С. Царь на коне вправо, за спиной у него шестилучевая звезда, в поле В [Анохин 1986, с. 165, тип 603а, табл. 28]
27.	Куру Баш (Виноградное)	Денарий, мель	1	211/2-228/9 гг. н.э.	Л.С. [ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΝ]ΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо. О.С. Царь на коне вправо, внизу * [Анохин 1986, с. 167, тип 645, табл. 31]
28.	Куру Баш (Виноградное)	Денарий, мель	1	211/2-228/9 гг. н.э.	Л.С. [ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΝ]ΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо. О.С. Богиня на троне влево, внизу черта. Вес - 9,6 гр. [Анохин 1999, с. 159, рис. 49,8,9]
29.	Куру Баш (Виноградное)	Двойной денарий, мель	1	227/8-233/4 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΟΥΥΟΣ. Бюст царя и богини. О.С. Богиня на троне влево, В * [Анохин 1986, с. 168, тип 664, табл. 32]
30.	Куру Баш (Виноградное)	Денарий, мель	1	229/0-231/2 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст царя вправо. О.С. Богиня на троне влево, внизу * [Анохин 1986, с. 169, тип 668, табл. 33]
31.	Куру Баш (Виноградное)	Статер, билон	1	263/264 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо, перед ним «трезубец». О.С. Голова императора вправо, «точка», год ЭФ [Анохин 1986, с. 171, тип 709, табл. 35]
32.	Куру Баш (Виноградное)	Статер, билон	1	266/267 гг. н.э.	Л.С. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΝΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Бюст царя вправо, перед ним «трезубец». О.С. Голова императора вправо, перед ним К, год ΓΞΦ [Анохин 1986, с. 171, тип 714, табл. 35]

33.	Узун Сырт (подножье)	Лепта, мель	2	400-390 гг. до н.э.	Л.С. Голова быка в3/4 вправо. О.С. Шестилучевая звезда [Анохин 1999, с. 45, рис. 8,4]
34.	Узун Сырт (подножье)	Лепта, мель	1	400-390 гг. до н.э.	Л.С. Голова быка в3/4 влево. О.С. Восьмилучевая звезда. Аналогий нет. Новый тип.
35.	Узун Сырт (подножье)	Обол, мель	4	320-310 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира вправо. О.С. ΠΑΝ. Протома пегаса вправо. Вес - 3,25 гр. [Анохин 1999, с. 76, рис. 17,9]
36.	Узун Сырт (подножье)	Трибол, мель	5	320-310 гг. до н.э.	Л.С. Голова бородатого сатира вправо. О.С. ΠΑΝ. Протома грифона влево, внизу оседр. Вес - 7, 32 гр. [Анохин 1999, с. 66, рис. 15,7]
37.	Узун Сырт (подножье)	Тетрахалк, мель	7	293-283 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ΠΑΝ. Голова льва влево, внизу оседр [Анохин 1999, с. 66, рис. 15,8]
38.	Узун Сырт (подножье)	Халк, мель	7	275-265 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира влево, надчеканка «звезда». О.С. ΠΑΝ. Голова льва влево, внизу оседр, надчеканка «горит» [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,3]
39.	Узун Сырт (подножье)	Тетрагеморий, мель	4	275-265 гг. до н.э.	Л.С. Голова бородатого сатира влево. О.С. ΠΑΝ. Голова быка влево [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,5]
40.	Узун Сырт (подножье)	Тетрахалк, мель	2	265-245 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ΠΑΝ. Лук и стрела вправо [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,6]
41.	Узун Сырт (подножье)	Тетрахалк, мель	1	265-245 гг. до н.э.	Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ΠΑΝ. Лук и стрела вправо [Анохин 1999, с. 82, рис. 18,6]. Монета перечеканена из типа: Л.С. Голова безбородого сатира в венке влево. О.С. ΠΑΝ. Голова льва влево, внизу оседр [Анохин 1999, с. 66, рис. 15,8]. На монете также есть надчеканка «звезда», надчеканка «горит» не просматривается. Вес - 5,8 гр.
42.	Узун Сырт (подножье)	Тетрахалк, мель	6	225-215 гг. до н.э.	Л.С. Голова Афины в шлеме вправо. О.С. ΘΕΥ. Герит и палица [Анохин 1999, с. 87, рис. 20,5]
43.	Узун Сырт (подножье)	Долранс, мель	1	14/5-37/8 гг. н.э.	Л.С. Женская голова в калафе и покрывале вправо. О.С. Факед, по сторонам нарисованы ΚΑΙΣΑΡΕΙΣ, справа Π [Анохин 1999, с. 132, рис. 37,6]. В центре пробито отверстие.

- научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1940. Т.1.
- Барский Н.С. Феодосия. Симферополь, 1957.
- Безрученко И.М. Древнегреческая Киренаика в VII-IV вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, 1999.
- Бришневский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М., 1963.
- Веселов В.В. Дневник археологических изысканий в районе Феодосии в июне-июле 1960 года // Научный архив Керченского государственного историко-культурного заповедника. 1960.
- Высоградский Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скифурта из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. №1.
- Высоградский Ю.Г., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель "Великой Скифии" // ВДИ. 1997. №3.
- Гаврилов А.В. Об амфорных клеймах с поселения Ореховка I в Крыму // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. науч. конф. Ч.1. Симферополь, 1991а.
- Гаврилов А.В. Исследование античного поселения у с. Новопокровка и разведки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь; Харьков, 1997.
- Гаврилов А.В. Отчет об археологических разведках на территории хозяйств Кировского района и Феодосийской административной зоны Автономной Республики Крым в 1995-1997 годах // НА КФ ИА НАНУ, 1997а/446.
- Гаврилов О.В. Нові дані про сільську округу античної Феодосії // Археологія. 1998. №1.
- Гаврилов А.В. Отчет об археологических шурфовках на античных памятниках Узун Сырт (вершина) и Узун Сырт (подножье) у села Южное Феодосийской административной зоны АР Крым в 1998 году // НА КФ ИА НАНУ, 1998а/598.
- Гаврилов О.В. Античные поселения Новопокровка-I у Південно-Східному Криму // Археологія. 1999. №1.
- Гаврилов А.В. Амфорный импорт на античном поселении Новопокровка в Юго-Восточном Крыму // Stratum plus. 1999. №3.
- Гаврилов А.В. Сельская округа Феодосии в V-II вв. до н.э.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.04. Киев, 1999а.
- Гаврилов А.В. Новые находки античных монет в Юго-Восточном Крыму // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров (античность-средневековье). Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.
- Гаврилов А.В. Новые находки античных монет в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. 2001. Вып. 1.
- Гаврилов А.В. О валах на Акмонайском перешейке // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. 2001. Вып. 1.
- Гаврилов А.В., Макаров Н.Н. Результаты минерало-петрографического анализа зернотерок из античных поселений V - начала III вв. до н.э. сельской округи Феодосии // Stratum plus. 2001. №3.
- Гаврилов Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989.
- Гаврилов Н.О. Палеоэкологічна ситуація і занепад Великої Скіфії // Оточуюче середовище і стародавнє населення України (матеріали до теми). Київ, 1993 (Препринт АН України. Ін-т археології).

- Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939-1970 гг. // НЭ. 1974. Вып. XI.
- Зайцев Ю.П. До питання про гречьке населення Неаполя Скіфського // Археологія. 1990. №1.
- Зеев И.Б. Разведочные раскопки в Феодосии // КСИИМК. 1951. Вып. 37.
- Зеев И.Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып. XXII.
- Золотарев М.И. О политической ситуации в Крыму в III в. до н.э. // Скифия и Боспор. Тез. докл. науч. конф. Новочеркасск, 1989.
- Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальное развитие). Киев, 1993.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Зубарь В.М. Боспор у другій половині I ст. до н.е. - середині III ст. // Давня історія України: скіфо-антична доба. Т.2. Київ, 1998а.
- Катиошин Е.А., Айбабина Е.А. Раскопки в окрестностях Феодосии // АО 1977 г. М., 1978.
- Катиошин Е.А. Раскопки в окрестностях Феодосии // АО 1978 г. М., 1979.
- Катиошин Е.А. Курганный могильник I в. до н.э. - II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2000. Вып. IX.
- Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. №4.
- Колтухов С.Г. Пізньоскіфські поселення східної частини передгірського Криму (матеріали до археологічної карти Кримської Скіфії) // Археологія. 1991. №4.
- Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
- Корпусов В.Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное // Археологические исследования на Украине 1965-1966 гг. Киев, 1967. Вып. I.
- Корпусов В.М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 1972. №6.
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М., 1966.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР в 20 т. М., 1984.
- Крыжницкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков В.В., Отрешко В.В. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крижницький С.Д. Про вплив змін оточуючого середовища на історичний розвиток Ольвійської держави // Археологія. 1995. №2.
- Кутайсов В.А. Аграрная история Керкинитиды // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. науч. конф. Севастополь, 1997.
- Латцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1991.
- Латцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак - Афилоне (?) Псеудо-Арриана // ВДИ. 1999. №1.
- Латцов С.Б., Юрочкин В.Ю. «Варварская» посуда Кутлакской крепости // Древности Боспора. 2001. Вып. 4.
- Максименко В.Е. К вопросу о времени установления политического господства сарматов в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986.
- Максименко В.Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Донские древности. Сарматы и Скифия. Азов, 1997. Вып. 5.

- Максимов М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Мазеко Л.М. Городище Сары Кай // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1990. Т.1.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI-II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников О.О. Историко-географичне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. 1989. №4.
- Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху: Автореф. дис. д-ра ист. наук. 07.00.06 / Ин-т археологии РАН. М., 1993.
- Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III-I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993а.
- Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. М., 1995. Вып.8.
- Масленников А.А. Эклиническая хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
- Мошкова М.Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф.Смирнова // Донские древности. Сарматы и Скифия. Азов, 1997. Вып.5.
- Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI-V вв. до н.э. Киев, 1990.
- Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 гг. М., 1999.
- Петерс Б.Г., Айбабюна Е.А., Катюшин Е.А. Раскопки Феодосийской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976.
- Петерс Б.Г. Феодосийская экспедиция // АО 1976 г. М., 1977.
- Петерс Б.Г., Белая С.А., Заглайло А.Г., Качан Т.М., Николаева Т.Д. Феодосийская экспедиция // АО 1977 г. М., 1978.
- Петерс Б.Г. Археологические раскопки в Феодосии // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV международной конференции античников социалистических стран. Ереван, 1979а.
- Петерс Б.Г., Галенцов А.С. Археологические раскопки Феодосии в 1975-1977 гг. // КСИА. 1981. №168.
- Петерс Б.Г. Феодосия // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР в 20 т. М., 1984.
- Петрова Э.Б. Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Петрова Э.Б. Греки и "варвары" античной Феодосии и ее округа в VI-II вв. до н.э. // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Симферополь, 2000.
- Петрунь В.Ф. О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья (опыт археолого-петрографического анализа) // Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея. Одесса, 1963.
- Ползи С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Пузыровский А.Е. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Пузыровский А.Е. О скифо-херсонесских конфликтах в III-I вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.

- Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941.
- Русясва А.С. Іонія напередодні та в період північнопонтійської колонізації // Давня історія України: скифо-антична доба. Т.2. Київ, 1998.
- Сидоренко В.А. Высшие воинские должности на Боспоре во II - начале IV вв. (по материалам эпиграфики) // Боспорские исследования. 2001. Вып. I.
- Сокольский Н.И. О наемниках на Боспоре в IV-III вв. до н.э. // СА. 1958. Вып.28.
- Супрычев В. Античные каменоломни Карадага // Курортная газета. 14 сентября 1968. №184.
- Цвек О.В. Могильник скифского и сарматского часу на Керченском полуострове // Археологія. 1968. Т. XXI.
- Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
- Щеглов А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976.
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М., 1982.

GAVRILOV A.V.

THE FORTIFIED MONUMENTS OF ANTIQUE EPOCH IN THE NEIGHBOURHOOD CLOSE TO THEODOSIA

Summary

During the period from the end of the sixth to the early third centuries B.C. there were only unfortified sites in the neighbourhood close to Theodosia. In the end of the first third of the third century B.C. they came to the full end. It was connected with the Sarmatians' onslaughts which had changed the military, political and demographical situation both in the Crimea and in the Black Sea Region in whole. The fortified posts arose on the nearest to Theodosia foothills of the South-East Crimea. They are the site on the mountain of Sary Kaya, small forts near by the villages of Yuznoye (Biyuk Yanishar) and Vinogradnoye (Curu Bash) and a small fortress on the coast of the Theodosia Bay in the village of Beregovoye. In the second - the third centuries A.D. there was a citadel not far from the village of Frontovoye. The population of the site consisted of the descendants of the mixed Taurian and the Scythian ethnos, and the Tracian mercenaries, obviously, lived in the forts. The site of the Sary Kaya existed till the early second century A.D. and the forts near by the villages of Yuznoye (Biyuk Yanishar) existed till the late second century B.C., the fort near the village of Beregovoye functioned till the first century A.D. The fort near by the villages of Vinogradnoye (Curu Bash) existed till the third centuries A.D. The goal of those fortifications was to put the western frontier of the Bosporan Kingdom under control.

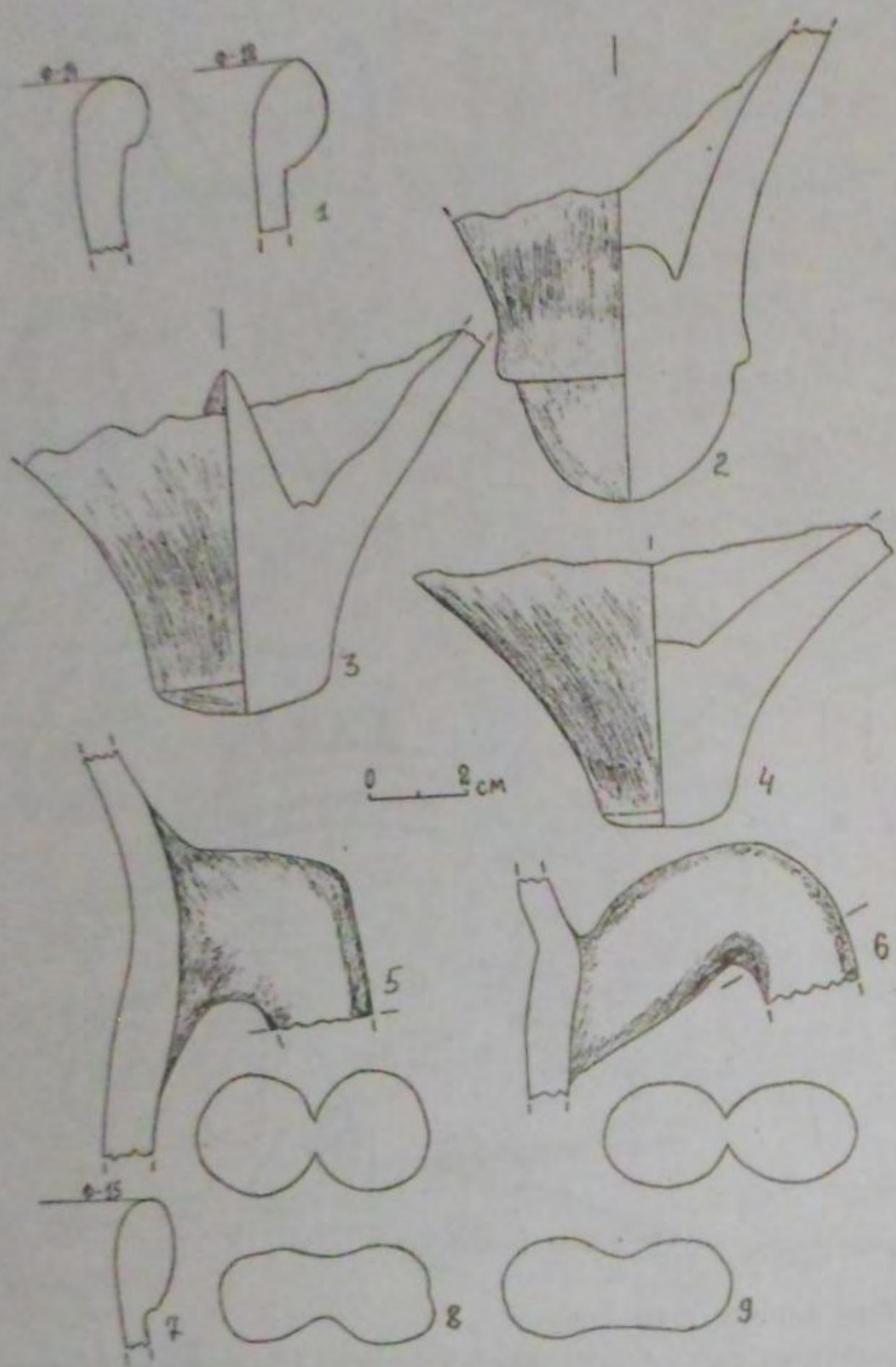

Рис. 3. Куру Баш. Материал из шурфа № 8.
1-6 – венчиков, ручек, ножек красноглиняных амфор I в. до н.э. – I в. н.э. фрагменты; 8,9 – ручек ложнодвустовольных разрезы.

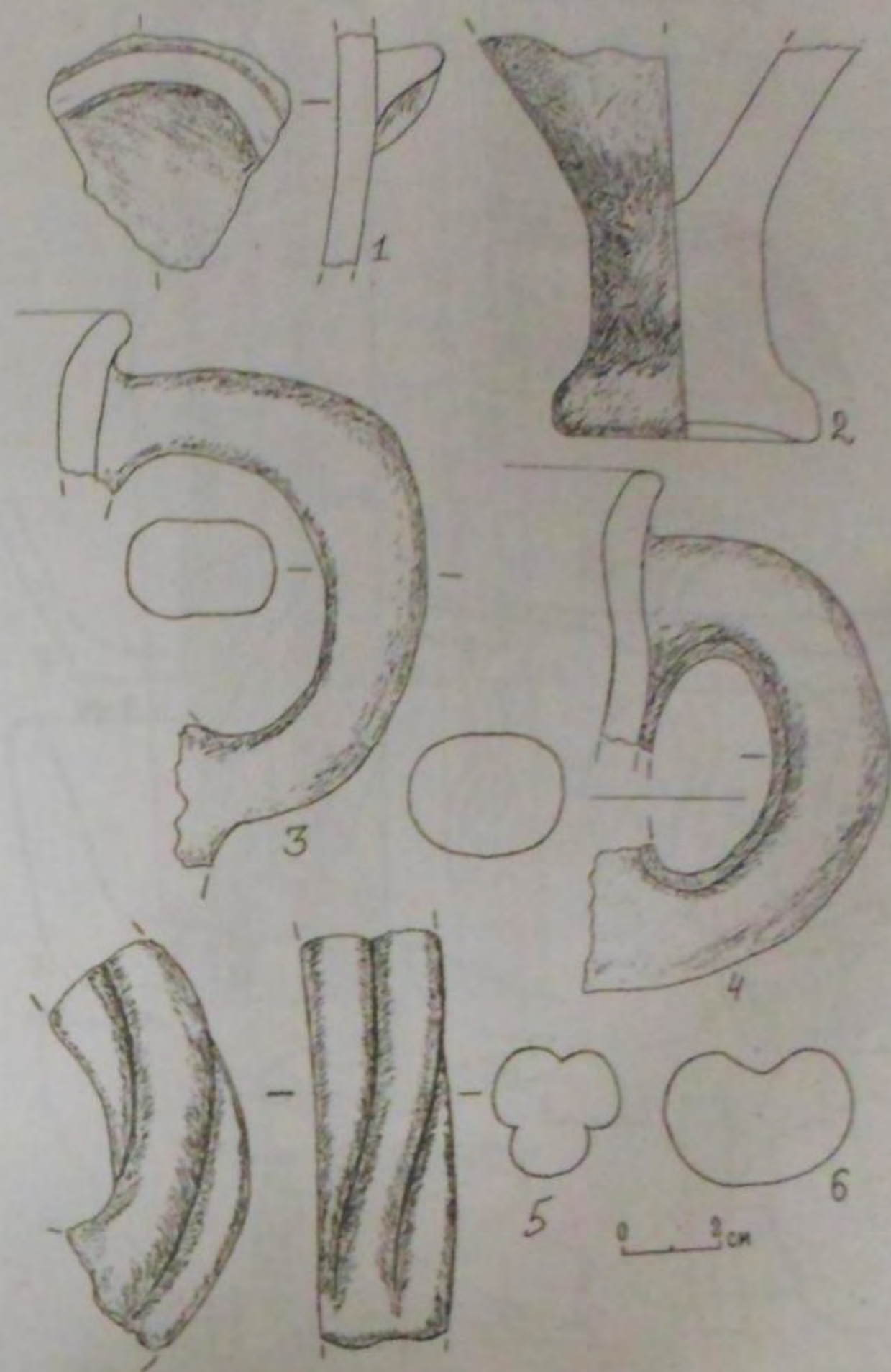

Рис. 4. Куру Баш. Материал из шурфов. Лесных сосудов фрагменты:
1 – стенки с ручкой-упором; 2 – курильницы; 3,4 – кружек; 5,6 – ручек.

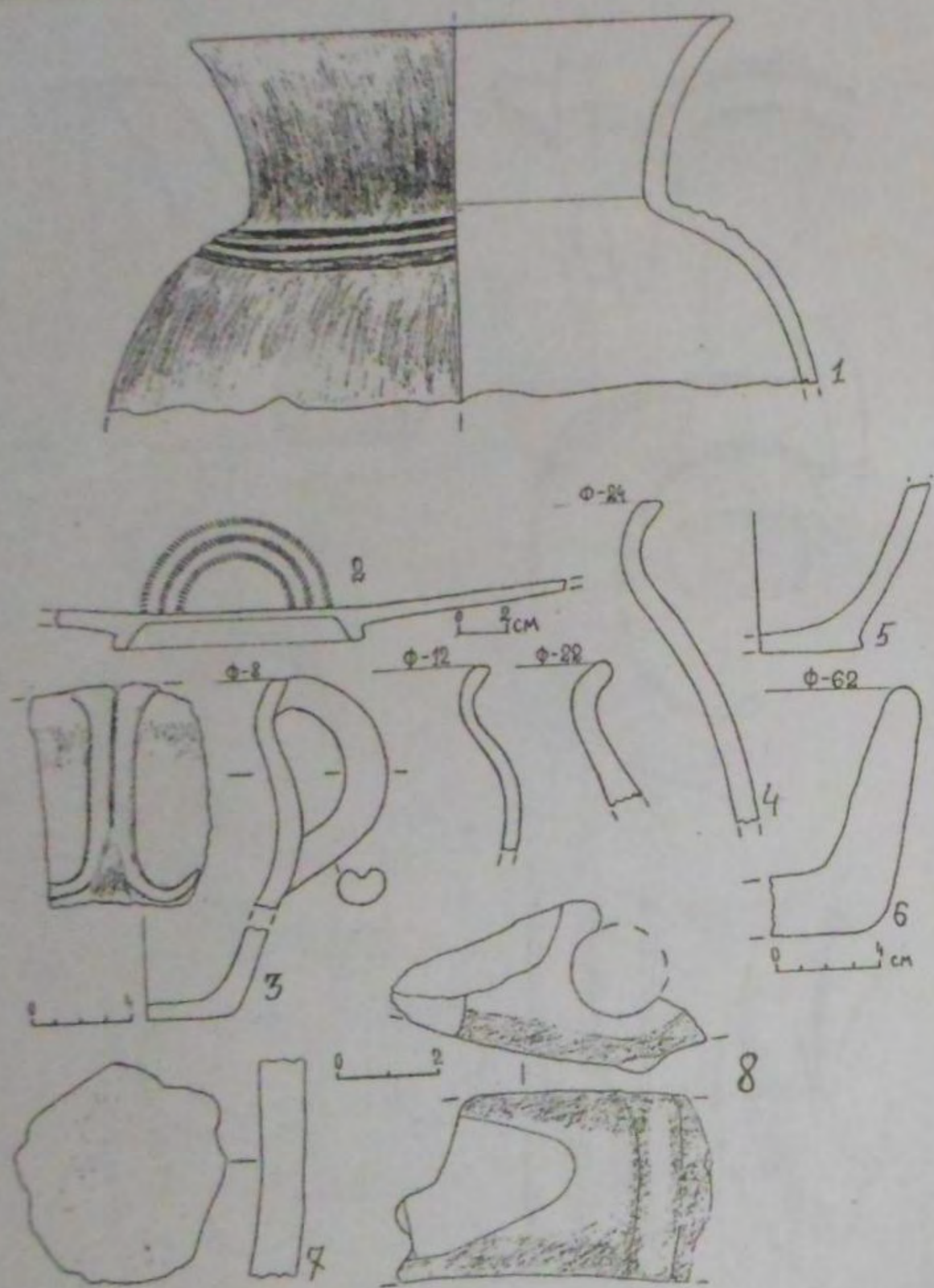

Рис. 5. Куру Баш. Материал из шурфов.

1 – горловины кувшина гончарного фрагмент, 2 – тарелки краснолаковой фрагмент; 3 – кружки лепной фрагмент, 4, 5 – венчиков и днища горшков лепных фрагменты; 6 – жаровни фрагмент, 7 – изделия округлой формы из стенки амфоры фрагмент; 8 – топора каменного шлифованного фрагмент.

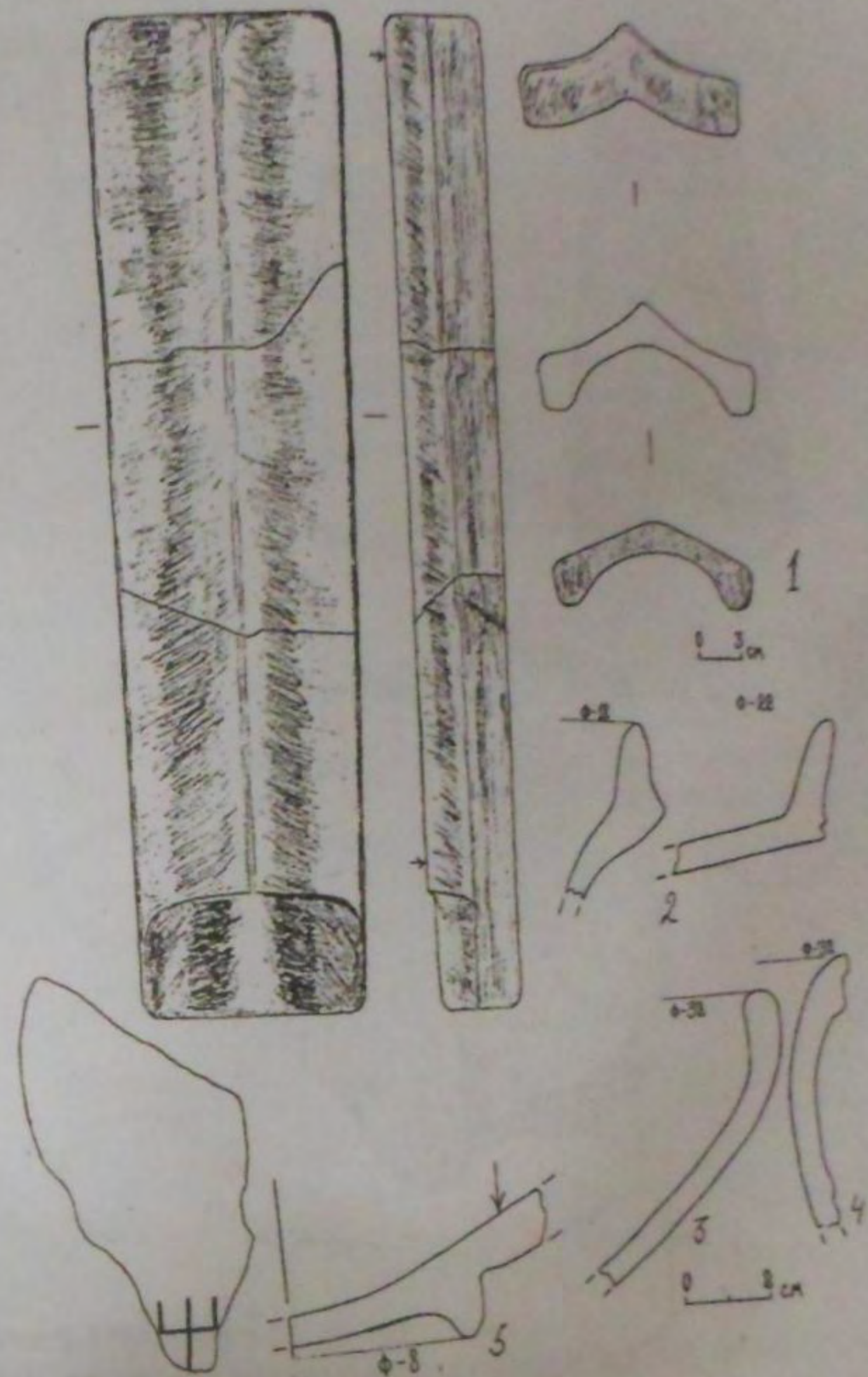

Рис. 6. Куру Баш. Материал из шурфов.

1 – калиптер; 2, 3 – венчиков мисок краснолаковых фрагменты; 4 – сосуда широкогорлого краснолакового фрагмент, 5 – кувшина с графитом на внутренней стенке фрагмент.

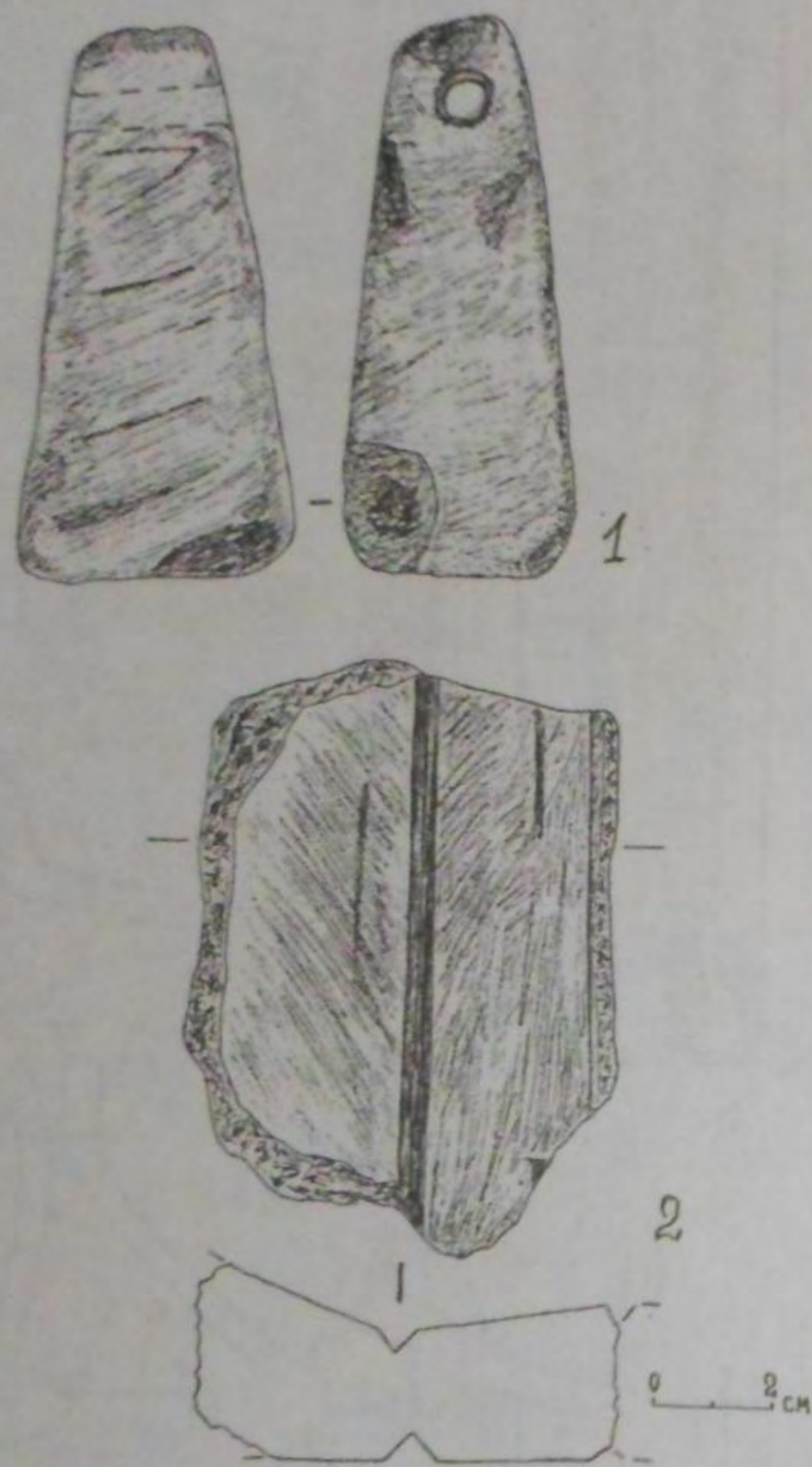

Рис. 7. Куру Баш. Материал из шурфов.
1 – грузило для ткацкого станка; 2 – заготовка для изготовления оселков.

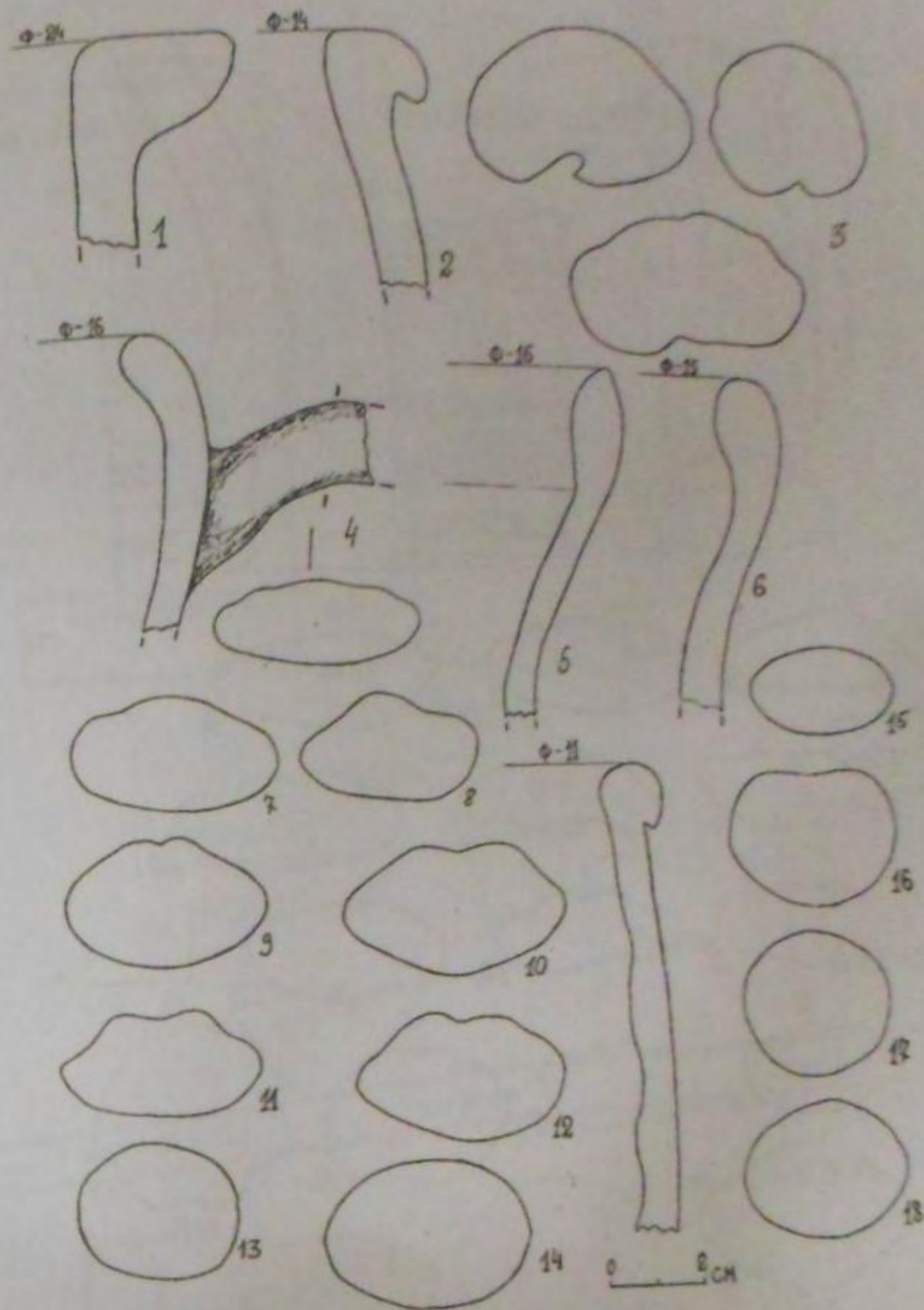

Рис. 8. Куру Баш. Материал из шурфов.
1-3 – венчиков и ручек красноглиняных амфор II-III вв. до н.э. разрезы;
4-6, 15, 16 – венчиков и ручек амфор с воронковидным горлом II-III вв. н.э.
разрезы; 7-9 – ручек узкогорлых светлоглиняных амфор I в. до н.э. –
разрезы; 10-12 – ручек широкогорлых светлоглиняных амфор I в. н.э. –
разрезы; 13, 14, 17, 18 – ручек розовоглиняных амфор конца II –
первой половины III вв. н.э. разрезы.

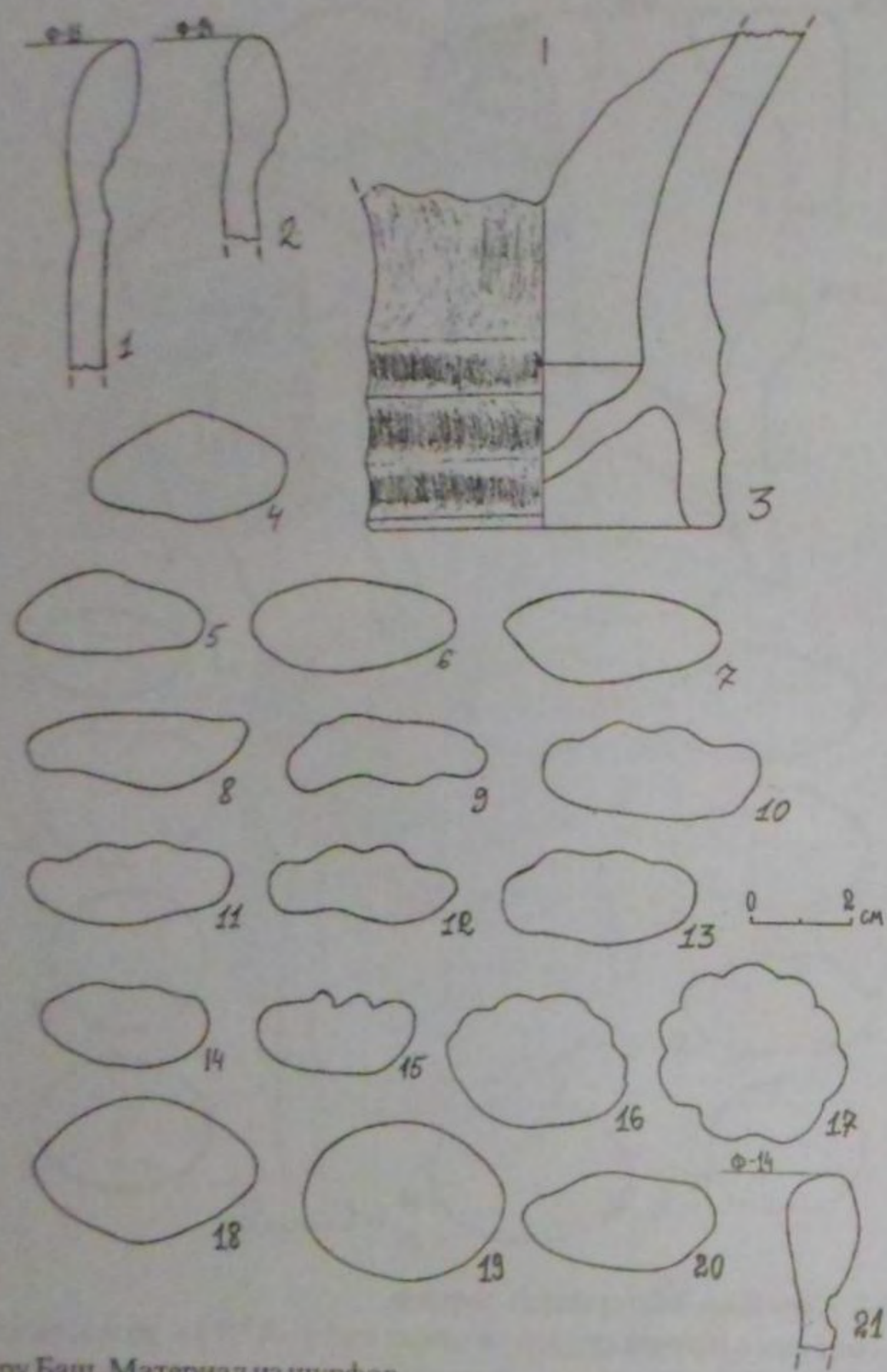

Рис. 9. Куру Баш. Материал из шурфов.
 1-9, 20, 21 – венчиков и ножек амфор III в. н.э. с высокоподнятыми ручками разрезы;
 10-15 – ручек амфор типа мирмекийских или фанагорийских II-III вв. н.э. разрезы;
 16, 17 – ручек амфор с желобчатыми венцами II-III вв. н.э. разрезы; 18, 19 – ручек
 розовоглиняных амфор II-III вв. н.э. разрезы.

Рис. 10. Схемплан расположения шурфов на укреплении Берзовое I.

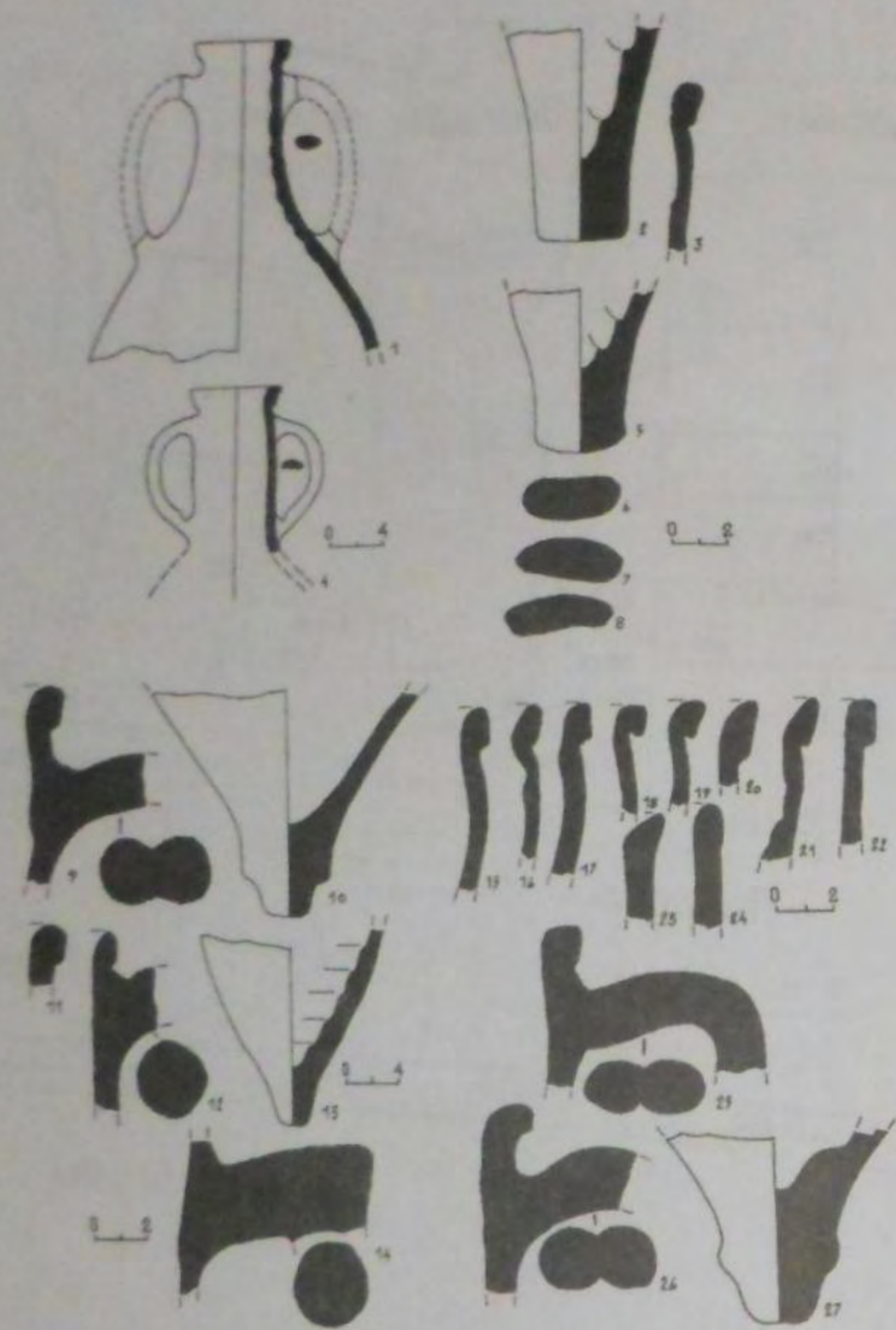

Рис. 11. Береговое I. Материал из шурфов.

1-8 – амфор колхидских фрагменты; 9, 10 – амфор косских фрагменты; 11-14 – амфор родосских фрагменты; 15-17, 19, 21 – венчиков синопских амфор фрагменты; 18 – венчика колхидской амфоры фрагмент; 20 – венчика херсонесской амфоры фрагмент; 22-24 – венчиков гераклейских амфор фрагменты; 25-27 – амфор красноглиняных с двустольными ручками фрагменты.

Рис. 12. Береговое I. Материал из шурфов.

1 – венчика килика фрагмент; 2 – венчика тарелки краснолаковой фрагмент; 3 – венчика кувшина буролакового фрагмент; 4, 5, 12 – венчиков мисок гончарных фрагменты; 6 – венчика чаши гончарной фрагмент; 7 – стенки амфориска фрагмент; 8 – венчика блюда краснолакового фрагмент; 9 – днища тарелки гончарной фрагмент; 10 – днища тарелки краснолаковой фрагмент; 11 – днища блюда краснолакового фрагмент; 13 – венчика миски краснолаковой фрагмент; 14 – венчика и стенки килика чернолакового фрагмент; 15 – кастрюли гончарной фрагмент; 16 – венчика и ручки сосуда гончарного фрагмент; 17 – амфориска фрагмент; 18 – поддона амфоры горгийской фрагмент; 19 – венчика кувшина гончарного фрагмент; 20 – венчика тарелки фрагмент; 21 – венчика тарелки буролаковой фрагмент; 22, 23 – венчиков кувшинов фрагменты; 24-30 – поддонов буролаковой фрагменты; 31, 33, 34 – днищ сосудов летних фрагменты; 32 – венчика миски гончарной фрагмент; 35 – ручки сосуда гончарного фрагмент; 36 – венчика сосуда лепного фрагмент.

Рис. 13. Береговое I. Материал из шурфов.
1 – лагинос; 2 – ложка костяная; 3-6 – изделия из стенок амфор;
7 – куранта зернотерки фрагмент; 8 – сосуда лепного т.н. гето-фракийского типа фрагмент.

Д. В. ЖУРАВЛЕВ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

В 1996 году при раскопках Боспорской археологической экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина на Западном плато Первого креста горы Митридат был открыт интересный керамический комплекс первых веков н.э.¹ Его публикация продолжает серию появившихся в последние годы статей, посвященных новым римским материалам из раскопок боспорских памятников [Хрилановский 1998; Винокуров 1999, с. 43-52; Журавлев, Ломтадзе 1999; Ланцов, Труфанов 1999; Журавлев 2000а; Зубарев 2000; Масленников 2000; Арсеньева, Науменко 2001; Толстиков, Журавлев 2001 и др.].

Описываемый комплекс был раскрыт в засыпи у восточного фаса башни II [Толстиков, Zhuravlev, in print]. Эта засыпь была образована мусорным рыхлым серо-коричневым суглинком с включениями отдельных углей, раковин мидий, костей животных. Здесь было обнаружено много фрагментов керамики и обломков черепицы, преимущественно боспорских соленов [информацию о раскопках см.: Толстиков, Журавлев 1997].

Публикуемый комплекс не является закрытым, так как, по всей видимости, он образовывался постепенно, в результате сброса мусора за пределы разрушенной башни.

Краснолаковая керамика

Италийская сигиллата

Conspectus formarum 1990, Form 34.1.1

1. (рис. 1,1).² Чаша полусферической формы на высоком кольцевом поддоне. Венчик прямой, профилирован двумя бороздками снаружи и одной – изнутри; на тулове сделан выступ в виде ребра, образующий высокий прямой бортик, украшенный двумя симметричными налепными спиралями.³ Ребро украшено орнаментом в виде косых

¹ Начальник экспедиции – В.П.Толстиков. Выражаю ему глубокую признательность за разрешение опубликовать данный комплекс.

² Все рисунки выполнены А.Н.Трифоновой.

³ В связи с тем, что на публикуемой чаше сохранилась только часть спирали, должен отметить, что моя первоначальная реконструкция формы этой спирали оказалась неверной [см. Толстиков, Журавлев 1997, рис.46; Журавлев 1998, табл. 1,13]. Все дело в том, что у италийской сигиллаты спирали закручены в разные стороны, тогда как я восстановил их повернутыми в одну сторону, как у Восточной сигиллаты В. Приношу свою благодарность К.Варнер Слейн (США), Дж.Хейсу (Великобритания) и С.Минчелли (Италия), обратившим мое внимание на эту досадную оплошность, за консультации по италийской сигиллате.